

**ОТ ПСИХОТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
К ЭМПИРИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ**
*FROM PSYCHOTECHNICAL THEORY
TOWARDS EMPIRICAL RESEARCH*

Психотехническая теория как форма психологического знания

Е.Ю. Патяева*,
ФГБОУ ВО МГУ, Москва, Россия
patyayeva@ya.ru

В статье детально рассматриваются методологические особенности разработанной Ф.Е. Василюком особой формы организации и развития психологического знания — психотехнической теории. Описана общая логика выхода из «схизиса» психологии через раскрытие методологического значения психологической практики; показано, что конкретной реализацией философии практики выступает психотехнический подход, ключевой особенностью которого является изучение не психики, а опыта работы с психикой. Формой организации и развития психологического знания, адекватной психотехническому подходу, выступает психотехническая теория. В статье показывается, что восемь предложенных Ф.Е. Василюком методологических характеристик психотехнической теории задают определенное пространство, в котором находят свое место не только психотехнические теории, но также и классические академические теории и различные промежуточные случаи. На основании этого сделан вывод о том, что психотехническая теория являет собой более общую и универсальную форму психологического знания по сравнению с теориями классического типа, что открывает возможность создания единого методологического инструментария для выстраивания, описания и анализа психологических исследований и психологической практики — и тем самым для преодоления «схизиса» психологии.

Ключевые слова: психотехническая теория, «схизис» психологии, Ф.Е. Василюк, методология психологии, психотехнический подход, психологическое знание.

Psychotechnical Theory as a Format of Psychological Knowledge

Ye.Yu. Patyayeva,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
patyayeva@ya.ru

Для цитаты:

Патяева Е.Ю. Психотехническая теория как форма психологического знания // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 1. С. 70–78. doi: 10.17759/chp. 2019150108

For citation:

Patyayeva Ye.Yu. Psychotechnical Theory as a Format of Psychological Knowledge. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2019. Vol. 15, no. 1, pp. 70–78. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2019150108

* Патяева Екатерина Юрьевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО МГУ), Москва, Россия. E-mail: patyayeva@ya.ru
Patyayeva Yekaterina Yuryevna, PhD in Psychology, Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: patyayeva@ya.ru

The paper deals with the methodological characteristics of psychotechnical theory, a specific format of psychological knowledge developed by F.Ye.Vasilyuk. The author describes the general logic of overcoming the 'schism' in psychology through the discovery of the methodological importance of psychological practice. It is also shown that the philosophy of practice is implemented through the psychotechnical approach, its crucial feature being the investigation not of the mind per se, but of the experience of working with the mind. The format of psychological knowledge appropriate for the psychotechnical approach is the psychotechnical theory. Eight methodological characteristics of the psychotechnical theory suggested by F.Vasilyuk create a certain conceptual space fitted not only for psychotechnical theories, but also for classical 'academic' theories as well as various mixed ones. The article concludes that the psychotechnical theory presents a more general and universal format of psychological knowledge in comparison with the classical theories, and this means an opportunity to create a unified methodological tool for describing and analyzing psychological research and practice — and thus for overcoming the schism in psychology.

Keywords: psychotechnical theory, schism in psychology, F.Ye.Vasilyuk, methodology of psychology, psychotechnical approach, psychological knowledge.

Сделанное Фёдором Ефимовичем Василюком еще долго будет будоражить умы психологов. Вопросы, которые он перед нами поставил, новые области психологического исследования, которые он открыл, система психологической практики, которую он создал, — все это еще не вполне освоено современной психологией, все это обращено в будущее. Задачи настоящей статьи состоят в том, чтобы, во-первых, представить в возможно более ясной и компактной форме один из принципиально важных для будущего нашей науки методологических инструментов, созданных Ф.Е. Василюком, — *психотехническую теорию* как особую форму психологического знания. И, во-вторых, показать, что психотехническая теория являет собой *более общую форму психологического знания* по сравнению с теориями классического типа — и, соответственно, классические психологические теории могут быть рассмотрены как предельный частный случай теории психотехнической.

«Схизис» психологии, философия практики и психотехнический подход. Понятие психотехнической теории Ф.Е. Василюк вводит в контексте размышления о «схизисе» психологии, ее расщеплении на исследовательскую и практическую, выразившемся в том, что профессиональные сообщества психологов-практиков и психологов-исследователей начинают жить каждое своей отдельной жизнью и перестают интересоваться разработками и результатами «параллельного» психологического сообщества [2]. Выход из «схизиса» Ф.Е. Василюк видел в развитии психотехнического подхода, прежде всего — в обращении внимания психологов на собственно методологическое и теоретическое значение психологической практики, настаивая на том, что «для психологии сейчас нет ничего теоретичнее хорошей практики» [там же, с. 27]. В этой связи он и вводит понятия *психотехнической теории* [1; 3; 4] и *психотехнического исследования*, подчеркивая принципиальное значение такого рода исследований для выработки общепсихологической методологии [2].

Говоря о психотехническом исследовании, Ф.Е. Василюк во многом опирается на введенное А.А. Пузыреем понятие *психотехнического дей-*

ствия [см.: 16; 17; 18] — как «действия над психикой» (в широком смысле слова), принципиально преобразующего «естественные» психические процессы человека. Скажем, в классических исследованиях «продуктивного мышления» К. Дункера «процесс решения задачи строится в диаде «испытуемый—экспериментатор», причем экспериментатор организует работу испытуемого через непрерывное опровержение предлагаемых им решений»; и без этой психотехнической работы экспериментатора продуктивного мышления в смысле К. Дункера не существует [17, с. 28]. Конечно, эта психотехническая работа экспериментатора может быть интериоризована испытуемым и весь процесс в этом случае становится интрапсихическим, но это не меняет его сущности как процесса, включающего в себя особую психотехническую работу, которая может осуществляться не только экспериментатором по отношению к испытуемому, но и любым человеком по отношению к себе самому.

Анализируя «схизис» психологии, Ф.Е. Василюк противопоставляет две методологические схемы: в первой исследователь сохраняет позицию Абсолютного Наблюдателя, стоящего как бы над бытием и рассматривающего изучаемую реальность со стороны, во второй — психолог занимает участвующую позицию в бытии, становится в практическое отношение к действительности, помещает себя именно как исследователя внутрь изучаемой действительности и делает исходным пунктом познания свою практику [2, с. 29–30]. Первую методологическую схему автор называет «философией гносеологизма», вторую — «философией практики». Таким образом, философия практики, по Ф.Е. Василюку, — «... это вовсе не философское познание практики, это и не познание, ориентированное прагматически на то, чтобы служить исключительно практическим целям... Но поскольку познание осуществляется в недрах философии практики, оно должно непрерывно удерживать в своих процедурах факт собственной жизненно-практической укорененности в познаваемом бытии. Познание, реализующее философию практики, не смотрит на практику извне, а изнутри практики смотрит на открываемый ею мир» [там же].

Далее Ф.Е. Василюк ставит вопрос о том, каким образом можно эти общепсихологические положения превратить в конкретную методологию психологии. Отвечая на него, он настаивает, что для того чтобы практика могла стать, по слову Выготского, краеугольным камнем психологии, психологии необходима своя собственная практика, организуемая самим психологом практическая деятельность, а не только участие в «чужой» практике — педагогической, медицинской и т. п. Ибо именно такая, собственная, практика создает запрос на психологическое знание нового типа — знание, обращенное к психологу-практику, а не к психологу-исследователю. И здесь Ф.Е. Василюк формулирует ключевой, на наш взгляд, тезис своей статьи и раскрывает свое понимание психотехнического подхода: «Чтобы отвечать этим ожиданиям, исследовательская, теоретическая психология должна реализовывать такой методологический подход, который позволил бы научно изучать не психику испытуемых, а опыт работы с психикой, прежде всего опыт профессиональной психологической работы, позволил бы черпать темы из этого опыта, создавать понятия и модели, описывающие и объясняющие опыт, формулировать результаты в виде, возвращаемом и конвертируемом в опыт» [там же, с. 32]. Именно этот методологический подход он и называет *психотехническим*.

В качестве примеров успешной реализации такого подхода Ф.Е. Василюк приводит теорию поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина, учение Л.С. Выготского об интериоризации как возникновении психических образований в результате «сворачивания» межличностного взаимодействия, эксперименты А.Н. Леонтьева по изучению опосредованной памяти. Таким образом, констатирует он, «... отечественная психологическая традиция в лице культурно-исторической школы Выготского является психотехнической по своему изначальному замыслу, по своему методологическому “генотипу”» [там же, с. 33]. Однако во времена Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и П.Я. Гальперина этот «генотип» не мог быть развернут и реализован в полной мере, поскольку у отечественной психологии не было своей практики, она могла лишь встраиваться в практику педагогическую, медицинскую или инженерную.

Что касается мировой психологии, то первой собственно психологической практикой стал психоанализ — вопреки естественнонаучным установкам самого З. Фрейда. Ибо психоаналитическая практика, как подчеркивает Ф.Е. Василюк, «... была прежде всего практикой работы с сознанием, сознание по существу и рассматривалось здесь не как отдельный натуральный объект, а как элемент системы “работа-с-сознанием”» [там же, с. 39]. И в психоанализе впервые «практика стала методом научного познания, в то же время психологическое познание стало методом практики» [там же, с. 38].

Итак, психотехническое исследование в понимании Ф.Е. Василюка — это такое исследование, которое, во-первых, научно изучает не психику, а опыт работы с психикой, т. е. опирается на ту или иную психологическую практику, и результаты которого

можно «конвертировать» в практику, и, во-вторых, рассматривает человека (и опыт работы с ним) в контексте категорий сознания, практики и культуры.

При этом специфической особенностью ситуации, сложившейся в отечественной психологии, оказался своего рода «импорт» психологической практики из тех стран, где она начала развиваться раньше и к настоящему времени сложились зрелые психотерапевтические школы, каждая из которых «... вполне оснащена собственными теоретическими моделями и не нуждается для своего развития в переосмыслении средствами той или иной местной общепсихологической теории» [3; с. 3]. В этом контексте Ф.Е. Василюк и поставил перед собой задачу выстроить психотехническую систему психотерапевтической помощи, основываясь на отечественной психологической традиции — прежде всего, на идеях «психотехнического подхода» Л.С. Выготского. Реализацией его методологической программы стала разработка понимающей психотерапии как психотехнической системы [3]. Подводя итоги своего масштабного психотехнического исследования, он называет обширный ряд полученных результатов, включающий создание теоретических представлений о переживании как деятельности, жизненном мире и кризисе, разработку нескольких оригинальных методов психотерапии и многие другие, в том числе и описание методологических характеристик психотехнической теории [3; с. 11]. Осмысление и анализ всех этих результатов во многом остается еще делом будущего. Наша же задача сейчас состоит в том, чтобы рассмотреть основные методологические особенности психотехнической теории и выявить некоторые перспективы, которые открывает для психологии принятие сделанного Ф.Е. Василюком действительно всерьез.

Методологические характеристики психотехнической теории. Говоря об особенностях психотехнической теории, отличающих ее от «классических» академических психологических теорий, Ф.Е. Василюк выделяет восемь принципиальных параметров: 1) ценности и осознанный ценностный выбор; 2) адресат и релевантность его опыту; 3) субъект познания; 4) контакт с человеком, с которым имеет дело психолог; 5) процесс и процедуры исследования; 6) получаемые знания; 7) предмет теории; 8) соотношение предмета и метода. Остановимся на каждом из них подробнее — сначала в описательной модальности, фиксируя особенности психотехнической теории, а затем в нормативной, переформулируя описание в качестве требований к построению психотехнической теории (или к встраиванию психотехнического описания какого-либо отдельного эпизода или случая психологической работы).

1. Ценности и ценностный выбор психолога. Если теория классического типа «по умолчанию» ориентирована на получение «объективной истины» как не только высшую, но и единственную ценность исследования, то психотехническая теория предполагает осознанный выбор психологом «... своей ценностной позиции в контексте всех основных цен-

ностей — истины, добра, красоты, святости, пользы и пр.» [1; с. 20]. При этом «... речь идет ... о том, что ценностная установка должна быть имманентным началом теории и войти в ее ткань» (там же). Соответственно, переходя в нормативную модальность, мы фиксируем, что, выстраивая и описывая какой-либо психологический подход в качестве психотехнической теории, автор должен в явном и развернутом виде указывать те ценности, которые он «встраивает» в свой подход, а каждый, кто берется за описание того или иного подхода в качестве психотехнической теории (будь то историк психологии, методолог, оппонент, сторонник данного подхода, автор учебника и т. д.), должен выявлять и описывать ценности, имманентные этому подходу.

2. Адресатом классической психологической теории выступает психолог-исследователь, ориентированный на получение «объективного знания о психике». Адресатом же психотехнической теории является психолог-практик, который «мыслит живым практическим опытом» и который сам является и должен являться неотъемлемым «внутренним персонажем» психотехнической теории. Соответственно, выстраивая и описывая какой-либо психологический подход (или психологическое исследование) в форме психотехнической теории, мы должны в явном виде описывать позиции и действия психолога, работающего в том поле, которое описывает данная теория. Ф.Е. Василюк говорит в этом контексте только о психологе-практике, но ведь и психолог-исследователь активно действует, создавая пространство своего исследования, выстраивая те, порой очень специфические, ситуации, в которые он помещает людей-испытуемых [подробнее см.: 16; 17].

3. В случае академической теории, ориентированной на позицию классического гносеологизма, субъектом познания выступает психолог-исследователь, старающийся занять отвлеченную позицию — позицию если не «абсолютного», то «среднестатистического» наблюдателя. В психотехнической же ситуации психолог, во-первых, занимает участвующую и личную позицию и максимально честно ее осознает и выковывает в соответствии с избранными предельными ценностями; во-вторых, психолог не является единственным познающим субъектом, таковыми могут выступать и те люди, с которыми он работает, что приводит к рождению диалогического «совокупного субъекта» познания. Соответственно, принимая эту характеристику как норму для построения психотехнической теории, мы должны описывать: а) в каких именно процессах участвует психолог, каково конкретное содержание его участвующей позиции и как она выстраивается, и б) как возникает в данной конкретной ситуации диалогический совокупный субъект познания.

4. Особенности контакта с человеком, с которым имеет дело психолог. В классическом исследовании контакт рассматривается как то, что может исказить картину исследуемого объекта «самого по себе», поэтому предпринимаются попытки его минимизировать, стандартизировать и сделать эмоционально нейтральным. В случае же психотехнической ситуа-

ции и психотехнической теории контакт с человеком выступает не как техническое условие познания, но как обширное и уникальное психологическое «поле», заслуживающее самого внимательного рассмотрения. Соответственно, особенности контакта психолога с теми людьми, с которыми он работает (клиентами, участниками мастерских, испытуемыми в психологическом эксперименте и т. д.), должны быть описаны в явном виде.

5. В классической ситуации процедура исследования планируется заранее и должна жестко соблюдаться. Психотехническому познанию свойственны гибкие непрограммируемые процедуры, стремящиеся быть уникальным ответом на уникальную ситуацию и создающие человеку оптимальную ситуацию для самопознания и самораскрытия. Кроме того, доставляющие знание процедуры направлены не только на человека, с которым работает психолог (будь то клиент, пациент или участник тренинга), но и на самого психолога, на его отношения с человеком и на сам психотехнический процесс. Таким образом, возникает требование описывать не просто процедуру исследования, но процесс работы. Если процедура исследования планируется и устанавливается заранее и не должна изменяться в ходе исследования, то процесс психотехнической работы всегда рождается «здесь и теперь» в качестве живого ответа на уникальную ситуацию и принципиально не может быть полностью спланирован заранее (впрочем, встречаются случаи, когда психолог-практик работает по жестким схемам, так что работу, определяемую жесткими процедурами, следует, вероятно, рассматривать как предельный частный случай гибкого живого процесса).

6. Если психологические знания «классического» естественнонаучного типа представляют собой «знание о третьем лице», «о нем», и предназначены только для специалистов, то наиболее важные знания, рождающиеся в психотехническом процессе — это знания личностные, «знания не умом только, а всем человеческим существом». Содержанием этих знаний выступает то, с чем мы находимся в непосредственном живом контакте, с чем можем внутренне эмоционально отождествиться. При переходе к нормативной модальности это означает, что автор подхода или тот, кто его анализирует, должны описывать некое «поле» личностных знаний, содержанием которых выступает то, с чем мы (в это «мы» входят: человек, с которым работает психолог, сам психолог, потенциальные читатели его работы) можем внутренне эмоционально отождествиться, с чем мы находимся в живом контакте, что мы ощущаем как «знание себя» или «знание другого», но не как «знание вообще» [подробнее об особенностях знаний, получаемых в процессе практической психологической работы, см.: 14].

7. Принципиально отличен от классического и «предмет» психотехнической теории. Предмет «классической теории» выстраивается «в форме объекта» — даже если этим объектом становится явно «процессуальная» реальность, такая как деятельность (или психика, или мышление и т. д.). «Форма объекта» предполагает, что мы сами стоим вне изучае-

мой нами реальности и рассматриваем ее со стороны. В психотехнической же теории, напротив, исследователь осознает свою включенность в изучаемую им действительность, занимает ту самую участную позицию в бытии, на необходимости которой настаивал М.М. Бахтин, рассматривает практику не из позиции «надмирного наблюдателя», но как «мою практику». Психотехническая теория, как подчеркивает Ф.Е. Василюк, «это не теория некоего “объекта” (психики, деятельности, мышления), а теория психологической работы-с-объектом» [1, с. 23]. Примерами таких теорий он называет психоанализ З. Фрейда и теорию планомерного формирования умственных действий П.Я. Гальперина. Таким образом, в качестве предмета психотехнической теории следует выстраивать не какой-либо *объект*, искусственно выделяемый из процесса взаимодействия психолога с другими людьми (испытуемыми, клиентами и т. д.) и отделяемый от *субъекта* (от автора теории, от ее читателя, оппонента, сторонника и т. д.), а описание самой практики, самой системы работы с человеком, где *субъект* (психолог, автор, читатель, оппонент, и т. д.) является неотъемлемой частью этой целостной системы и занимает в ней позицию участника, а не внешнего наблюдателя и стоящего над ситуацией «демиурга».

8. И еще один очень существенный момент связан с соотношением предмета и метода в психологическом познании. Если в классическом познании естественнонаучного типа роль метода состоит в том, чтобы превратить эмпирический объект изучения в предмет исследования (как, например, при изучении условных рефлексов в школе И.П. Павлова собаки (а потом и дети) ставились в такие условия, чтобы все их поведение сводилось к условнорефлекторному реагированию), то в психотехническом познании метод объединяет участников взаимодействия, «как бы вбирает их в себя и превращает в своего рода “монаду” которая и становится предметом познания» [там же]. И которая может быть познана только изнутри. И если в классической теории метод выступает вспомогательным элементом, важным для получения знаний, но отступающим на задний план при их описании (он считается как бы прозрачным, считается путем, ведущим к тому, что существует само по себе и должно быть описано в теории как таковое), то в психотехнической теории вспомогательным элементом становятся понятия, соотносимые с объектом, а знания об объекте оказываются одной из составных частей знаний о методе, которые теперь являют собой не периферию теории, а ее сердцевину. И очень существенно, что не знания о методе включаются в теорию объекта (как в «неклассическом» естественнонаучном познании), а знания об «объекте» (бессознательном, горе, психике) включаются в знание о методе как один из его аспектов. Таким образом, «... общим предметом психотехнической теории является сам метод, ограничивающий и создающий пространство психотехнической работы-с-объектом» [там же, с. 24]. Соответственно, стержнем психотехнической теории, ее наиболее важной сердцевиной выступает описание метода работы, и создание психотехнической теории мы должны начинать с

выстраивания метода и его тщательного осмысления, анализа и описания; знания же об объекте (психике, сознании, человеке) должны вырастать из знаний о методе в качестве одной из составных частей этих последних.

Предложенное и развернутое Ф.Е. Василюком понятие психотехнической теории представляется нам адекватным не только для описания его собственной психотехнической системы [3] и отнесенных им к этому типу концепций З. Фрейда и П.Я. Гальперина, но и для описания целого ряда других психологических концепций, не вписывающихся в академическую психологию, в частности, аналитическую психологию К.Г. Юнга, человекоцентрированного подхода К. Роджерса, экзистенциально-гуманистического подхода Дж. Бьюджентала, нарративной практики Д. Уайта и его последователей, а также классических восточных учений о человеке и практиках его развития (дзен-буддизма, даосизма, суфизма и др.). Разумеется, не все названные подходы в равной степени проработаны теоретически и являют собой хорошо структурированные и развернутые концепции, и не в последнюю очередь эта теоретическая непроработанность являет собой следствие нехватки адекватных методологических средств. И именно понятие психотехнической теории может оказаться ключевым для восполнения этого пробела.

Отметим, что попытки ввести такого рода «практические» концепции в общее смысловое пространство психологии — в частности, психологии личности — предпринимались неоднократно и до работ Ф.Е. Василюка. Одной из наиболее удачных из них нам представляется книга Р. Фрейджера и Дж. Фейдимена «Теории личности и личностный рост» [20], авторы которой также пытаются, преодолевая «схизис» психологии, применить единую сетку методологических понятий для описания таких разных концепций личности, как психоанализ З. Фрейда, теория сознания У. Джеймса, психология личностных конструктов Дж. Келли, радикальный бихевиоризм Б.Ф. Скиннера, человекоцентрированный подход К. Роджерса, концепция личности А. Маслоу и концепции человека в йоге, дзен-буддизме и суфизме. Для этого они вводят следующую категориальную сетку: *основные понятия и идеи* рассматриваемого подхода; *динамика человеческого развития*, включая представления о *личностном росте* и *помехах росту*, *психотерапии* и *практиках саморазвития*; *структура*, куда входят представления о *соматике*, *социальных отношениях*, *воле*, *эмоциях*, *интеллекте*, *Я* и *терапевте* или *наставнике*. Нетрудно заметить, что практика включена здесь в теорию, что делает данную книгу намного более многомерной, чем систематические описания тех же теорий личности многими другими авторами. Однако практика включена здесь, в терминологию Ф.Е. Василюка, в описание объекта, что, не умаляя важности данной работы как учебного пособия, знакомящего читателя с многообразием теорий и форм работы с личностью, делает ее малоприменимой в качестве инструмента анализа и сопоставления самих этих форм работы.

При этом не подлежит сомнению, что предложенная Ф.Е. Василюком категориальная сетка описания психотехнической теории может и должна далее уточняться и развиваться. В частности, автору настоящей статьи принципиально важным параметром психологической работы, который заслуживает особого рассмотрения в контексте психотехнической теории, представляется выстраиваемый в том или ином практическом подходе тип взаимоотношений психолога с теми людьми, с которыми он работает, будь то клиенты, участники мастерской, респонденты или испытуемые. Эти отношения могут быть более или менее директивными или недирективными, доверительными или сдержанными, равноценными или неравноценными и т. д. [подробнее см.: 15; 19]. Далее нам представляется важным рассматривать не только *психотехнические действия* психолога, но и его *психотехническое взаимодействие* с теми людьми, с которыми он работает, ибо оба субъекта этого взаимодействия активны и обладают сознанием [14]. Еще одно в высшей степени существенное «измерение» психологической работы связано с различием, во-первых, действий психолога, рождающихся «здесь и сейчас», являющих собой уникальный ответ на уникальную, каждый раз новую ситуацию и приводящих к уникальным же открытиям; и, во-вторых, действий «технологических», выстраиваемых в соответствии с тем или иным алгоритмом. Это различие может описываться, в частности, через противопоставление «психотехники» (как уникальной каждый раз работы с психикой) и «психотехнологии» (как работы по алгоритму) [13] как «феноменологии» и «манипулятивной психотехники» [19] и т. п.

«Классическая» психологическая теория как частный случай теории психотехнической. Попробуем теперь приложить ключевые параметры, описывающие психотехническую теорию, для описания «классических» психологических теорий — их можно предствать своего рода предельной точкой в том концептуальном пространстве, которое задают восемь характеристик психотехнической теории. Эта предельная точка обладает следующими особенностями:

- 1) высшей и практически единственной ценностью признается истина;
- 2) имеется строго определенный набор позиций и действий психолога: экспериментатор, наблюдатель, опрашивающий, тестирующий, интервьюер;
- 3) позиция психолога — отстраненная, психолог выступает единственным и монологическим субъектом познания;
- 4) контакт психолога с участниками исследования определяется правилами вежливости и задачами исследования и считается само собой разумеющимся и потому не подлежащим описанию;
- 5) заранее спланированная процедура выступает предельным случаем гибкого живого процесса;
- 6) результатом исследования становятся «знания вообще», которые могут быть рассмотрены как предельный частный случай личностных знаний;

7) по результатам исследования выстраивается теория только искусственно абстрагированного объекта, целостная же система взаимодействия психолога с участниками его исследования ускользает из поля теоретического анализа;

8) знания о реально используемом методе являются принципиально усеченными и неполными.

Так описываются результаты психологических исследований в большинстве учебников и многочисленных статьях. Например, результаты исследований запоминания законченных и незаконченных действий Б.В. Зейгарник в учебниках обычно сводятся к так называемому «эффекту Зейгарник», состоящему в том, что незаконченные действия запоминаются, в среднем, в 1,9 раз лучше, чем законченные. Однако обращение к тексту работы Б.В. Зейгарник [6] дает основания говорить, во-первых, о том, что этот «эффект» возникает лишь во вполне определенных и тщательно описанных самой исследовательницей условиях взаимодействия испытуемых и психолога-экспериментатора и, во-вторых, что культивировавшийся в школе К. Левина способ описания экспериментальных исследований являет собой весьма примечательный промежуточный вариант между «классической теорией» и теорией психотехнической — не являясь воплощением психотехнического подхода, он, тем не менее, не совпадает и с охарактеризованной выше «предельной точкой» классического исследования. Попробуем это показать.

Прежде всего, исследовательница детально описала, как должно строиться поведение экспериментатора (в частности, в зависимости от воспринимаемой им установки испытуемых — от того, побуждает ли их выполнять задания чувство долга перед экспериментатором, честолюбие или само содержание задания), чтобы получить различие в запоминании законченных и незаконченных действий. И результаты эксперимента напрямую связаны с действиями экспериментатора, который сознательно вел себя по-разному с разными испытуемыми, учитывая их представления об эксперименте и их отношение к экспериментатору. Далее, Б.В. Зейгарник в явном виде учитывает ту внутреннюю картину происходящего в эксперименте, которая складывается у испытуемых: результаты опыта напрямую зависят от того, как они сами воспринимают законченность или незаконченность выполняемых заданий, как они относятся к опыту в целом и какие чувства испытывают к экспериментатору. Тем самым «субъект познания» в некоторой степени оказывается «совокупным». Его, конечно, нельзя назвать диалогическим в собственном смысле этого слова, однако явные шаги в направлении от классической позиции исследователя как единственного субъекта познания к диалогическому совокупному субъекту здесь сделаны.

Рассмотрим теперь работу Б.В. Зейгарник сквозь призму восьми выделенных Ф.Е. Василюком параметров, фиксирующих отличие психотехнической теории от теории классической.

1. Ценности. Исследование, по умолчанию, направлено на поиск объективной истины — в этом от-

ношении оно вполне отвечает канонам классического научного исследования.

2. «Адресатом» исследования являются научное сообщество, психологи-исследователи, изучающие человеческую психику — в этом отношении работа Б.В. Зейгарник тоже вполне классична.

3. Позиция психолога. Психолог, оставаясь исследователем, занимает не отстраненную, а принципиально активную позицию. Б.В. Зейгарник специально подчеркивает, насколько важно для испытуемых поведение экспериментатора и предостерегает экспериментатора от чисто пассивного поведения. Комментирует это она так: «При проведении психологических опытов обычно предписывается, чтобы экспериментатор сообщал испытуемому определенную, для всех одну и ту же (по возможности дословно) инструкцию, а в остальном вел себя возможно более пассивно. Однако в действительности это «пассивное поведение» экспериментатора может столь же сильно воздействовать на происходящее, как и «активное» вмешательство с его стороны»; и далее она поясняет, каким образом «пассивное поведение» экспериментатора может влиять на испытуемых с разными установками, и делает вывод о том, что «пассивное поведение» экспериментатора придает всему эксперименту отчасти неестественный характер, а также искажает и стирает исходную установку испытуемого» [6, с. 441]. Поэтому экспериментатор вел себя «... не одним и тем же заранее предустановленным образом, но его поведение было обусловлено установкой испытуемого и ей соответствовало» [там же]. О некотором сдвиге от монологического субъекта познания к совокупному субъекту мы уже писали выше.

4. Контакт с человеком, оставаясь техническим уровнем познания, отнюдь не минимизируется, не стандартизируется и не делается эмоционально нейтральным. Экспериментатор старался выстраивать контакт с испытуемыми возможно более в духе той установки по отношению к опыту, которую он видит у испытуемых: «... в частности, имея дело с испытуемыми, побуждаемыми чувством долга, экспериментатор действительно выражал те или иные желания и давал вполне конкретные указания, например: “Да, зеленые бусины мне больше нравятся”. При работе с испытуемыми, которыми двигало честолюбие, экспериментатор делал “каменное лицо экзаменатора” для подкрепления испытуемого в его исходной установке, что эксперимент связан с тестированием интеллекта. С испытуемыми же, которых стимулировало само содержание задания, экспериментатор вел себя действительно пассивно и избегал делать какие-либо замечания, поскольку эти испытуемые воспринимали пассивность экспериментатора как адекватную ситуации» [там же].

5. Процедура исследования планировалась заранее, однако не была жесткой — экспериментатор и при выполнении испытуемыми заданий, и в последующей ситуации опроса о том, какие задания выполнялись испытуемыми, позволял проявляться «естественной установке испытуемых» и вел себя по-разному в зависимости от этой установки.

6. Получаемые знания представляют собой «знания о третьем лице» — в этом отношении рассматриваемое исследование соответствует классическим академическим канонам.

7. Предметом получаемой теории запоминания завершенных и незавершенных действий оказывается влияние «динамических систем» или «квaziпотребностей» на память, т. е. в этом отношении исследование также строится в духе классической методологии.

8. Нельзя сказать, что метод полностью отстает на задний план при описании результатов экспериментов Б.В. Зейгарник — тщательное описание метода, включая и описание особенностей поведения экспериментатора, занимает едва ли не половину всего текста статьи, однако центральным предметом оказывается все же не метод работы с психикой, а объекты — запоминание и внутриспихические напряженные системы.

Таким образом, исследование Б.В. Зейгарник, оставаясь классическим исследованием по своим ценностям, целям и общей направленности, одновременно обнаруживает и моменты, свойственные психотехническому подходу — активную позицию психолога-исследователя, осмысленное выстраивание контакта психолога с испытуемыми, тщательное описание этого контакта, гибкое поведение экспериментатора, внимательного к тому, что происходит «здесь и сейчас», а не просто воспроизводящего жестко запрограммированную экспериментальную процедуру.

Аналогична ситуация и с другими работами школы К. Левина, в частности, с исследованием психического насыщения А. Карстен [8], исследованием ситуативного генезиса гнева Т. Дембо [5] и более поздним исследованием К. Левина, Р. Липпита и Р. Уайта влияния стиля лидерства на групповые процессы [9]. Характерно, например, замечание Т. Дембо о важности наблюдения в ходе опытов не только за испытуемым, но и за самим экспериментатором, который рассматривается как неотъемлемая часть ситуации [5, с. 537]. Исследовательница описывает разные варианты взаимодействия экспериментатора и испытуемого, вплоть до открытой борьбы и действий испытуемого назло экспериментатору. Вообще, в работах Б. Зейгарник, Т. Дембо и А. Карстен представлена богатая феноменология взаимодействия испытуемых и экспериментатора и описываются разнообразные феномены, которые могут оказаться важными в самых разных психологических экспериментах — вроде «прорыва» испытуемого через внутренние и внешние барьеры, «аффективного упрощения цели», «разрушения гештальта», «мысленных прегрешений», сотрудничества и скрытого соперничества с экспериментатором. Дембо обращает внимание и на влияние самих экспериментальных процедур на протекание изучаемого процесса, выделяет различные степени «присутствия» испытуемого в экспериментальной ситуации. «Познаваемый объект» описывается именно как процесс, а не «вещь», выделяются разные варианты протекания этого процесса.

Вполне очевидна психотехническая работа и в знаменитых экспериментах С. Милгрема [12] и Ф. Зимбардо [7], что и явилось одной из причин бурных споров вокруг воспроизводимости этих экспериментов.

Таким образом, мы можем констатировать, что и ставя перед собой задачи «чистого» исследования, психологи, рефлексировав это или нет, в ряде случаев становятся в практическую позицию и осуществляют действия психотехнического характера, без которых значительная часть психологических исследований оказалась бы невозможной. Иначе говоря, перед нами открывается определенный континуум, на одном полюсе которого можно поместить классическое академическое исследование, в котором психолог стоит в позиции «абсолютного наблюдателя», на другом полюсе — осознанно выстроенное психотехническое исследование и психотехническую теорию. А между ними располагается множество подходов и исследований, в той или иной мере совмещающих в себе признаки обоих полюсов. Точнее, поскольку мы имеем 8 параметров, каждый из которых предполагает континуум «значений», имеет смысл говорить о многомерном пространстве возможностей, в котором классическая академическая теория окажется лишь некоей предельной точкой. Интересно, что, скажем, психоанализ Фрейда окажется в этом пространстве возможностей не противоположным полюсом академической психологии, а будет занимать некое промежуточное положение — именно потому, что сам Фрейд считал психоанализ способом получения объективного знания о человеческой психике.

В рассматриваемом контексте примечательна эволюция методологической позиции К. Левина. Если эксперименты его учеников в берлинский период

его деятельности, обладая отдельными признаками психотехнического исследования, все же остаются в пространстве классической экспериментальной психологии, то в конце своей жизни К. Левин пришел к идее и практике *действенного исследования*, в котором практика, обучение и исследование составляют единое целое [10; 11]. Этот жанр психологической работы заслуживает отдельного рассмотрения; здесь же отметим лишь, что исследование в этом случае становится частью практической работы по разрешению социальных проблем и высшей его ценностью становится, если говорить на самом общем уровне, не столько *истина*, сколько *благо* людей (в конкретной указанной выше работе такой ценностью выступает достижение межрасового мира). И для корректного описания действенных исследований наиболее адекватной формой может оказаться как раз психотехническая теория.

Таким образом, мы приходим к довольно неожиданному выводу: классические психологические теории при ближайшем рассмотрении могут оказаться безусловно очень важным, но, тем не менее, лишь частным случаем теории психотехнической — аналогично тому, как физика Ньютона оказалась важным частным случаем физики Эйнштейна. А «выкованное» Ф.Е. Василюком понятие психотехнической теории представляет собой не только принципиально важный методологический инструмент для описания практических подходов в психологии, позволяющий ухватывать их действительно существенные особенности, но еще и может стать инструментом, создающим принципиально единый язык описания, как для чисто исследовательских, так и для практических подходов, что открывает реальную перспективу преодоления нынешнего «схизиса» нашей науки.

Литература

1. Василюк Ф.Е. От психологической практики к психотехнической теории // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 1. С. 15–32.
2. Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
3. Василюк Ф.Е. Понимающая психотерапия как психотехническая система: автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2007
4. Василюк Ф.Е. Структура и специфика теории понимающей психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 1. С. 5–33.
5. Дембо Т. Гнев как динамическая проблема // К. Левин. Динамическая психология: избр. труды. М.: Смысл, 2001. С. 534–570.
6. Зейгарник Б. Запоминание законченных и незаконченных действий // К. Левин. Динамическая психология: избр. труды. М.: Смысл, 2001. С. 427–495.
7. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 744 с.
8. Карстен А. Психическое насыщение // К. Левин. Динамическая психология: избр. труды. М.: Смысл, 2001. С. 496–533.

References

1. Vasilyuk F.E. Ot psikhologicheskoi praktiki k psikhotehnicheskoi teorii [From Psychological Practice to Psychotechnical Theory]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal* [Moscow Psychotherapeutic Journal], 1992, no. 1, pp. 15–32. (In Russ., abstr. In Engl.)
2. Vasilyuk F.E. Metodologicheskii smysl psikhologicheskogo skhizisa [Methodological Meaning of Psychology's Schisis]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 1996, no. 6, pp. 25–40.
3. Vasilyuk F.E. Ponimayushchaya psikhoterapiya kak psikhotehnicheskaya sistema. Avtoref. Avtoref. diss. doct. psychol. nauk. [Comprehending Psychotherapy as a Psychotechnical System. Dr. Sci. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2007.
4. Vasilyuk F.E. Struktura i spetsifika teorii ponimayushchei psikhoterapii [Structure and Specifics of Comprehending Psychotherapy Theory]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal* [Moscow Psychotherapeutic Journal], 2008, no. 1, pp. 5–33. (In Russ., abstr. In Engl.)
5. Dembo T. Gnev kak dinamicheskaya problema [Anger as a Dynamic Problem]. In Levin K. *Dinamicheskaya psikhologiya. Izbrannye trudy* [Dynamic Psychology. Selected Works]. Moscow: Smysl, 2001, pp. 534–570. (In Russ.)
6. Zeigarnik B. Zapominanie zakonchennykh i nezakonchennykh deistvii [Remembering Finished

9. Левин К. Эксперименты в социальном пространстве // К. Левин. Разрешение социальных конфликтов. СПб: Речь, 2000. С. 198–214.
10. Левин К. Действенное исследование и проблема меньшинств // К. Левин. Разрешение социальных конфликтов. СПб: Речь, 2000. С. 366–385.
11. Леонтьев Д.А., Патяева Е.Ю. Курт Левин – методолог научной психологии // К. Левин. Динамическая психология: избр. труды. М.: Смысл, 2001. С. 3–20.
12. Милгрэм С. Подчинение авторитету. Научный взгляд на власть и мораль. М.: Альпина non-фикшн, 2016. 282 с.
13. Пануш М.П. Психотехника экзистенциального выбора. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. 544 с.
14. Патяева Е.Ю. Специфика знаний в практической и исследовательской психологии // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. С. 146–178.
15. Патяева Е.Ю. Мастерская саморазвития личности // Mobilis in mobili: Личность в эпоху перемен / Под ред. А.Г. Асмолова. М., 2018. С. 503–531.
16. Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1986. 117 с.
17. Пузырей А.А. Психотехническое действие как единица анализа в психологии творчества // А.А. Пузырей. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005. С. 26–30.
18. Пузырей А.А. Курт Левин и проблема эксперимента в психологии // А.А. Пузырей. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005. С. 56–61.
19. Пузырей А.А. Манипулирование и майевтика: две парадигмы психотехники // А.А. Пузырей. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005. С. 299–333.
20. Фрейдджер Р., Фейдимен Дж. Личность: Теории, упражнения, эксперименты. 6е изд. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. 704 с.
- and Unfinished Actions]. In: Levin K. *Dinamicheskaya psikhologiya. Izbrannye trudy* [Dynamic Psychology. Selected Works]. Moscow: Smysl, 2001, pp. 427–495. (In Russ.)
7. Zimbardo F. Effekt Lyutsifera. Pochemu khoroshie lyudi prevrashchayutsya v zlodeev [The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil]. 2-nd ed. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2014. (In Russ.)
8. Karsten A. Psikhicheskoe nasyschenie [Psychological Satiation]. In Levin K. *Dinamicheskaya psikhologiya. Izbrannye trudy* [Dynamic Psychology. Selected Works]. Moscow: Smysl, 2001, pp. 496–533. (In Russ.)
9. Levin K. Eksperimenty v sotsial'nom prostranstve [Experiments in Social Space]. In Levin K. *Razreshenie sotsial'nykh konfliktov* [Resolving Social Conflicts]. Saint-Petersburg: Rech', 2000, pp. 198–214. (In Russ.)
10. Levin K. Deistvennoe issledovanie i problema men'shinstv [Action Research and Minorities Problem]. In Levin K. *Razreshenie sotsial'nykh konfliktov* [Resolving Social Conflicts]. Saint-Petersburg: Rech', 2000, pp. 366–385. (In Russ.)
11. Leont'ev D.A., Patyaeva E.Yu. Kurt Levin – metodolog nauchnoi psikhologii [Kurt Levin As A Methodologist of Scientific Psychology]. In Levin K. *Dinamicheskaya psikhologiya. Izbrannye trudy* [Dynamic Psychology. Selected Works]. Moscow: Smysl, 2001, pp. 3–20. (In Russ.)
12. Milgram S. Podchinenie avtoritetu. Nauchnyi vzglyad na vlast' i moral' [Obedience to Authority: An Experimental View]. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2016. (In Russ.)
13. Papush M.P. Psikhotehnika ekzistentsial'nogo vybora [Psychotechnics of Existential Choice]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2001. (In Russ.)
14. Patyaeva E.Yu. Spetsifika znaniy v prakticheskoi i issledovatel'skoi psikhologii [Particularity of Knowledge in Practical and Academic Psychology]. In Zhuravlev A.L. (eds.), *Vzaimootnosheniya issledovatel'skoi i prakticheskoi psikhologii* [Relations between Academic and Practical Psychology]. Moscow: In-t psikhologii RAN, 2015, pp. 146–178.
15. Patyaeva E.Yu. Masterskaya samorazvitiya lichnosti [Workshop of Person Self-development]. In Asmolov A.G. (ed.), *Mobilis in mobili: lichnost' v epokhu peremen* [Mobilis in mobili: Personality in The Age of Changes. Moscow, 2018, pp. 503–531.
16. Puzyrei A.A. Kul'turno-istoricheskaya teoriya L.S. Vygotskogo i sovremennaya psikhologiya [L.S.Vygotsky's Cultural-Historical Theory And Modern Psychology]. Moscow, 1986.
17. Puzyrei A.A. Psikhotehnicheskoe deistvie kak edinita analiza v psikhologii tvorchestva [Psychotechnical Action As A Unit of Analysis in Creativity Psychology]. In Puzyrei A.A. *Psikhologiya. Psikhotehnika. Psikhagogika* [Psychology. Psychotechnics. Psychagogy]. Moscow: Smysl, 2005, pp. 26–30.
18. Puzyrei A.A. Kurt Levin i problema eksperimenta v psikhologii [Kurt Levin And The Problem of Experiment in Psychology]. In Puzyrei A.A., *Psikhologiya. Psikhotehnika. Psikhagogika* [Psychology. Psychotechnics. Psychagogy]. Moscow: Smysl, 2005, pp. 56–61.
19. Puzyrei A.A. Manipulirovanie i maievтика: dve paradigmy psikhotehniki [Manipulation And Maievtics As Two Paradigms of Psychotechnics]. In Puzyrei A.A., *Psikhologiya. Psikhotehnika. Psikhagogika* [Psychology. Psychotechnics. Psychagogy]. Moscow: Smysl, 2005, pp. 299–333.
20. Frager R., Fadiman J. Lichnost': Teorii, uprazhneniya, eksperimenty [Personality and Personal Growth]. Saint-Petersburg: Praim-Evroznak, 6-th ed., 2006. (In Russ.)